

Научная статья

УДК 93/94:304.2

DOI: 10.32516/2303-9922.2026.58.8

Уловить повседневное. Категория повседневности в теоретико-методологическом контексте (размышления по итогам научного семинара, Оренбург, 17 апреля 2025 г.)

Евгения Владиславовна Комлева¹, Елена Вадимовна Бурлуцкая²

¹ Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия, feodal@history.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

² Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, ida777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0001-2207>

Аннотация. В статье подводятся итоги состоявшегося 17 апреля 2025 г. в Оренбургском государственном педагогическом университете Всероссийского научного семинара по истории повседневности «Уловить повседневное. Категория “повседневная жизнь” в теоретико-методологическом контексте». История повседневности — одно из активно развивающихся направлений в современной отечественной историографии, и Оренбургский государственный педагогический университет наряду с Ленинградским государственным университетом им. А. С. Пушкина занимает ключевое место в разработке методологии и методики изучения повседневной жизни человека. Однако, несмотря на то что история этого направления в России насчитывает уже более пяти десятилетий, потребность в конвенциональном оформлении неких универсальных научных механизмов анализа повседневности до настоящего времени остается незакрытой. Авторы статьи обращают внимание, с одной стороны, на кажущуюся очевидность самого понятия «повседневная жизнь» и, как следствие, его широкое использование в современном научном дискурсе, а с другой — на отсутствие единого подхода к его трактовке. Данное обстоятельство делает историю повседневности крайне уязвимым направлением исторических исследований, значительно усложняет доказательство его научной значимости, а также порождает разногласия даже в среде его приверженцев. В статье обобщаются существующие в историографии точки зрения на связанные с изучением истории повседневности проблемы, заостряется внимание на спорных моментах, выносятся на обсуждение потенциальные направления их дальнейшей разработки. Теоретические рассуждения подкреплены конкретными примерами из разных периодов отечественной истории и современности.

Ключевые слова: методология исторического исследования, терминологический инструментарий, история повседневности, современная отечественная историография.

Для цитирования: Комлева Е. В., Бурлуцкая Е. В. Уловить повседневное. Категория повседневности в теоретико-методологическом контексте (размышления по итогам научного семинара, Оренбург, 17 апреля 2025 г.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2026. № 2 (58). С. 127—146. URL: https://vestospu.ru/archive/2026/articles/58/8_58_2026.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.58.8.

Original article

Capturing the Everyday. The Category of Everyday Life in a Theoretical and Methodological Context (Reflections on the Results of a Scientific Seminar, Orenburg, April 17, 2025)

Evgeniya V. Komleva¹, Elena V. Burlutskaya²

¹ Institute of History of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia, feodal@history.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

² Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, ida777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0001-2207>

© Комлева Е. В., Бурлуцкая Е. В., 2026

Abstract. The article summarizes the results of the All-Russia Scientific Seminar on the History of Everyday Life, “Capturing the Everyday. The Category of “Everyday Life” in a Theoretical and Methodological Context”, held on April 17, 2025, at the Orenburg State Pedagogical University. The history of everyday life is a rapidly developing field in contemporary Russian historiography, and Orenburg State Pedagogical University, along with A. S. Pushkin Leningrad State University, occupies a key position in the development of methodology and techniques for its studying. However, despite the fact that the history of this field in Russia spans more than five decades, the need for a conventional, universal scientific framework for analyzing everyday life remains unmet. The authors of the article draw attention, on the one hand, to the apparent obviousness of the concept of “everyday life” and, as a result, its widespread use in contemporary scholarly discourse, and, on the other hand, to the lack of a unified approach to its interpretation. This circumstance makes the history of everyday life an extremely vulnerable area of historical research, significantly complicates the proof of its scientific significance, and also causes disagreements even among its supporters. The article summarizes current historiographic perspectives on issues related to the study of everyday history, focuses on controversial issues, and discusses potential directions for their further development. The theoretical arguments are supported by specific examples from various periods of Russian history and the present day.

Keywords: methodology of historical research, terminological tools, everyday history, contemporary Russian historiography.

For citation: Komleva E. V., Burlutskaya E. V. Capturing the Everyday. The Category of Everyday Life in a Theoretical and Methodological Context (Reflections on the Results of a Scientific Seminar, Orenburg, April 17, 2025). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2026, no. 2 (58), pp. 127—146. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2026.58.8>.

Введение

Методологический поворот в отечественной исторической науке, пришедшийся на рубеж XX—XXI веков, выразился, в частности, в активном внедрении в научный дискурс ряда новых терминов, включая «повседневность», «повседневная жизнь». Доступность этих понятий, которые, как может показаться на первый взгляд, весьма очевидны и не нуждаются в глубоком осмыслении, привела к тому, что они стали чрезвычайно популярны, но в то же время поначалу оценивались как ненаучные или даже вненаучные. Еще в 1990-е гг. можно было услышать критику в адрес того или иного автора, что он занимается «бытописанием», за которым не признавали статус серьезного исследования.

Сегодня никто такими вопросами уже не задается. Напротив, углубление в жизнь рядовых людей, участников исторического процесса второго и третьего плана, а именно они в первую очередь интересуют историков повседневности, считается чрезвычайно актуальным и широко востребованным. Именно ориентация на «микроисторию», на реконструкцию всего, что определяло и присутствовало в жизни обычных, вроде бы ничем не примечательных людей, лежит в основе многих современных исследований по истории повседневности.

Показательно, что интерес к жизни «простого человека» охватил не только историю, но и другие социальные науки — социологию и философию; в рамках социологии сложилось отдельное направление — социология повседневности, в рамках философии — философия повседневности. Однако, активно используя в своей работе ту или иную терминологическую инновацию, лишь немногие делают это в полной мере осознанно, до конца понимая, что именно кроется не только за породившей ее теоретической концепцией, но даже за самим термином.

Целью данной статьи представляется обобщение существующих в историографии точек зрения на связанные с изучением истории повседневности проблемы, акцентирование внимания на спорных моментах, вынесение на обсуждение потенциальных направлений их дальнейшей разработки. Анализу подвергаются прежде всего методологические подходы, теоретические концепции и модели осмысления «истории повседневности» как направления исторической науки, давно доказавшего свою самостоятельность и полноценность.

Литература и источники

В качестве теоретической базы предлагаемого исследования решено было выделить несколько историографических комплексов, в том числе: 1) работы европейских основоположников данного направления; 2) труды отечественных историков, являющихся пионерами истории повседневности в СССР и современной России (1980-е — 2000-е годы); 3) исследования современных авторов, зарекомендовавших себя в качестве ведущих специалистов в указанной сфере исторического знания.

Если публикации, отнесенные к первой [8; 10; 11; 16; 19; 35; 42; 56; 60; 62] и второй [9; 18; 28; 30; 31; 34; 43; 44] группам, имеют статус базовых, хрестоматийных и давно подвергнуты детальному и всестороннему анализу в исследованиях различного уровня, то третья группа трудов создавалась в весьма специфических условиях. С одной стороны, многие аспекты методологии истории повседневности уже были изучены в трудах предшественников. С другой стороны, пестрота мнений и взглядов, сосредоточенная в этих трудах, в том числе и по проблемам концептуальных и методологических подходов, создавали колоссальное поле для критики «молодых» историков по самым различным вопросам. Данные обстоятельства привели к тому, что теоретические вопросы в современной историографии, во избежание научных конфликтов, стали подниматься весьма редко, хотя само направление исследований обрело все большую и большую популярность.

Многие современные авторы, работающие в проблемном поле истории повседневности, отмечают, что за обилием прикладных исследований, посвященных самым разным аспектам обыденности, практически потерялась методология этого направления исторической науки. Каждый автор по-своему видит как само понятие «повседневности», так и возможности для ее изучения. Отсутствует единый подход как к смысловому наполнению этой категории, так и к способам ее научного осмысления. Повестка этой терминологической дискуссии уже была ранее обозначена в ряде современных статей [13; 45].

С целью решения данной проблемы регулярно проводятся соответствующие конференции, ведущей из которых является конференция, ежегодно организуемая на базе Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (см., напр.: [12; 50; 64]), издаются обобщающие труды [5; 26; 30; 31; 39]. В Ленинградском государственном университете им. А. С. Пушкина создан и успешно развивается специализированный научный журнал «История повседневности».

На базе Оренбургского государственного педагогического университета с 2017 г. ежегодно проводится научно-методологический семинар, посвященный исследованию проблем изучения истории повседневности, результатом работы которого становятся сборники докладов [48; 55] и научные статьи [1; 27; 37; 57].

Результаты исследования

Дефиниция «повседневного»

Что же входит в понятие «повседневность», из чего складывается повседневная жизнь человека, следует ли как-то ограничиваться, занимаясь ее изучением? Эти и многие другие вопросы зачастую интерпретируются по-разному. Философы, например, отталкиваются от следующей дефиниции: «Повседневность есть мир обыденной жизни человека в различных сферах его существования: Я-Личность (экзистенциальная), Я-Общество (социальная), Я-Этнос (национальная), Я-культура (культурологическая)» [20, с. 106]. Социологи констатируют кризис социально-гуманитарного познания и то, что обращение к исследованию повседневной жизни во многом повлияло на смягчение «исследовательского стиля и инструментария» [15]. Опытный социолог и преподаватель социологии повседневности, профессор Южного федерального университета Н. А. Вялых

в этой связи пишет: «Парадоксально, но с каждым годом эта дисциплина становится для нас все более трудноразрешимой головоломкой, к которой не то что учебное пособие, а внятную рабочую программу и тематический план разработать не так просто. Основная причина кроется в неуловимом характере ее предмета: он как бы есть, но “присутствие” этого предмета номинально, поскольку зависит от ситуативных и локальных конвенций академического сообщества» [15, с. 97].

Если говорить про историческую науку, то в публикациях по истории повседневности рассматриваются все стороны жизни человека, раскрываются все подробности, какие только возможно извлечь из привлекаемых источников, а реконструкция прошлого ведется на основе сочетания различных методологических подходов и методов исследования [44]. Можно привести мнение Н. Л. Пушкаревой и С. В. Любичанковского о том, что предмет изучения повседневности — сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [45, с. 7]. И все же у истории повседневности есть главная цель, сверхзадача — «это “реконструкция человеческого сознания, объясняющего мотивы социального поведения”, постижение “Духа времени”» [64, с. 37]. То есть реконструкция «повседневных элементов истории» важна не сама по себе, а для интерпретации «реальности через субъективное понимание истории и культуры индивида» [20, с. 106].

Удачный подход к интерпретации повседневности представлен в работах Е. В. Бурлуцкой (Банниковой): понимание повседневности не как дискретного набора фактов, но как непрерывного процесса, включавшего три основные сферы: трудовую, семейную и досуговую [5, с. 8—29]. Это позволяет систематизировать и упорядочить изложение множества разрозненных данных из источников различной видовой принадлежности. Авторскую трактовку термина «повседневность» предложила также Е. В. Годовова: «...под повседневностью казачества мы понимаем регулярно происходящие в обыденной жизни казаков явления действительности, восприятие их и отношение к ним, меняющееся под воздействием внешних факторов. В качестве граней повседневности определяем две: военно-походную и “мирную”, или станичную» [17, с. 40].

Таким образом, повседневность становится не просто набором ежедневных человеческих практик, не только комплексом поведенческих стереотипов, а в первую очередь системой шаблонов сознания и мышления, определяющих разнообразные виды деятельности человека. В таком контексте именно история повседневности наряду с исторической психологией дает возможность объяснить истоки тех или иных исторических явлений и процессов. Историк повседневности изучает не только и не столько то, что субъект повседневности делал ежедневно, какими вещами наполнял свое личное пространство, как обычно выстраивал свои отношения с окружающими, сколько то, что он думал и чувствовал, совершая все эти действия, а также то, как он все это оценивал. В итоге часто оказывается, что ход развития истории зависел не только от объективных обстоятельств типа экономических кризисов, революционных ситуаций и пр., но еще и от совокупности индивидуальных психик и воли как проявлений определенных типов сознания и мышления.

Сознание и мышление — понятия тесно связанные, но, тем не менее, имеющие свою специфику. Сознание как некое состояние субъекта выражается в субъективном переживании человеком событий внешнего мира и тела, воплощающемся в поведенческих, эмоциональных, речевых реакциях, а также в создаваемом индивидом предметном мире. Сознание, как явление нематериальное, невозможно изучать напрямую, однако это становится вполне реальным, если обратиться к тем самым проявлениям, реакциям сознания — действиям и эмоциям человека, его письменной или устной речи, особенностям

его невербальной коммуникации (в том числе одежды), созданному им жизненному пространству. Отметим, что для изучения индивидуального или коллективного сознания исследователю будут наиболее важны ответы на вопрос «почему именно так?». Почему для создания домашнего интерьера человек использовал определенные предметы с конкретными свойствами? Почему в одежде той или иной социальной группы преобладают те или иные цвета и силуэты? Почему в речи человека наиболее часто употребляются те или иные слова и выражения?

Мышление же как процесс познавательной деятельности, во время которого человек создает у себя в голове собственную модель окружающей реальности, представляет собой своеобразный механизм адаптации человека к миру, способ реализации его потребностей, мотивов и целей (бизнес-мышление, творческое мышление, критическое мышление, позитивное мышление и пр.). Мышление через различные операции (анализ, синтез, сравнение и пр.) работает с содержанием сознания. Как и сознание, мышление всегда тесно связано с мыслящим субъектом и его личностными или корпоративными особенностями. В итоге через мышление формируются убеждения и представления человека или группы. Именно эти базовые компоненты мировоззрения и будут представлять наибольший интерес для историка повседневности. То есть на первый план выходят оценочные суждения.

Однако и в том и в другом случае при изучении истории повседневности исследователь будет сталкиваться с рефлексией субъекта повседневности. В данном контексте мы никак не можем согласиться с авторами одной из статей, утверждающих с опорой на труды А. Шюца, что «повседневная жизнь не предполагает интенсивной рефлексии. <...> Ее логика — это ситуативная логика здравого смысла, нацеленная преимущественно на поиск оптимального способа существования в предлагаемых условиях» [59, с. 61]. Движимый в повседневной жизни «логикой здравого смысла», направленной на «поиск оптимального способа существования» в заданных условиях, человек все же должен осознавать свои цели, мотивы, ресурсы, расставлять приоритеты, что и происходит в процессе рефлексии.

Именно субъект в первую очередь должен дать ответ на вопрос о причинах тех или иных своих реакций и дать оценку происходящему. Как правило, эта информация содержится в так называемых источниках личного происхождения или эго-текстах. Господствующая точка зрения заключается в том, что это два равноправных, синонимичных термина, обозначающих один и тот же вид источников. Об этом, в частности, пишет в своих работах Н. В. Суржикова [51]. Обращается внимание и на то, что фрагменты эго-текстов, в частности автобиографического характера, могут встречаться в виде вкраплений в источники других видов — например, в делопроизводственную документацию [38]. Встречается и распространение термина «эго-тексты», например, на частные книжные собрания, поскольку они свидетельствуют о мировоззрении и ценностных ориентирах их владельцев. Так, возможно, все же термин «эго-тексты» обладает более широкими границами по сравнению с «источниками личного происхождения»? Поскольку единой точки зрения по этому поводу пока не сложилось, думается, целесообразно обсуждение этого вопроса, в том числе и при разговоре о феномене повседневности.

Обязательные компоненты повседневности

В современном гуманитарном знании, к сожалению, так и не удалось прийти к единому мнению о том, что же входит в круг вопросов, которые следует относить к истории повседневного. Еще в 2003 г. петербургский историк М. М. Кром отметил отсутствие в науке «универсального, на все случаи пригодного понятия “повседневность”» [28, с. 11].

Ф. Бродель [10], один из основоположников истории повседневности как самостоятельного научного направления, предлагал относить к ней «то, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день — географические и экологические условия жизни, трудовую деятельность, потребности... возможности их удовлетворения... Он говорил также о необходимости изучения всего спектра соответствующих взаимоотношений и межличностных коммуникаций, поступков, действий, желаний, надежд, идеалов, ценностей и правил, регулирующих поведение людей, индивидуальных и коллективных практик, форм и институтов брака, семьи, анализа религиозных культов, политической организации социума» [43, с. 6]. Потребность в столь многофакторном анализе при изучении повседневной жизни, несомненно, была оправдана, но в этом поиске абсолютно всех агентов влияния на человеческую обыденность легко было заблудиться. Появилась потребность в упорядочении и систематизации этих компонентов повседневной жизни.

К феноменам, определяющим повседневное существование, оказалось возможным отнести целый ряд явлений, которые можно классифицировать как бытовые, социальные, ментальные. К первым следует отнести вещи «вокруг» и «для» субъекта повседневности. Вторые включают любые его внешние коммуникации (как семейные, так и трудовые, как поведенческие, так и речевые). Третья группа состоит из общей культуры и ценностных представлений субъекта повседневности. Данный перечень феноменов повседневности был конкретизирован в работе В. Д. Лелеко. Его теоретическая модель повседневности вобрала в себя «вещно-предметный ряд, событийный ряд и набор сценариев поведения [по сути — особый тип мышления, создающий модель окружающей реальности и возможные варианты адаптации к ней. — *Е. К., Е. Б.*], повседневных ритуалов, предполагающих гендерную и возрастную дифференциацию» [32, с. 93].

В принципе о том же самом говорит и Н. Л. Пушкарева, включающая в понятие повседневности реальность людей разных социальных слоев, их поведение и эмоциональные реакции на события [43].

В то же время различными авторами предлагаются иные компоненты повседневной жизни. Например, Е. В. Годовова в рамках повседневной гражданской жизни казачества рассматривает «взаимоотношения казаков с властью, экономические и трудовые отношения, быт, религиозно-культовые действия, формы будней, досугов и праздников» [17, с. 40]. При данном подходе соединяются слишком разные признаки, через которые выявляются составляющие повседневности: объекты повседневности (власть, церковь, система производства), виды деятельности (трудовая, религиозно-культовая, досуговая), характер повседневности (будни и праздники) и т. д.

К. А. Абдрахманов в своей докторской диссертации предлагает представить трудовую повседневность как составляющую повседневной жизни практически любого субъекта в виде системы, состоящей из трех макроаспектов, содержание которых наполнено «профильными» элементами: 1) пространственно-бытовой (объективные обстоятельства повседневности); 2) культурно-антропологический; 3) социально-профессиональный (субъективные обстоятельства повседневности) аспекты [2, с. 14].

Мы полагаем, что структура повседневности требует некоей конвенциональности, поскольку обращение к этой сфере исторического и так отличается максимальной пестротой и разнообразием. Создание хотя бы максимально общей модели повседневного могло бы решить проблему применения, на наш взгляд, наиболее приемлемого для изучения повседневности метода структурно-функционального анализа.

Основоположником структурно-функционального анализа считается социолог Т. Парсонс [42]. Базовая идея структурного функционализма — идея «социального порядка», т.е. стремление любой системы (в том числе и повседневности) поддерживать

собственное равновесие, согласовывать между собой различные ее элементы, добиваться согласия между ними. Таким образом, компоненты повседневности должны представлять различные области человеческой жизнедеятельности, а также находиться в отношениях созависимости. Следовательно, очевидными базовыми составляющими структуры повседневности становятся предметы быта (вещный мир), вербальное и невербальное поведение (деятельность), а также сознание и мышление (психика), воплощенные в конкретных исторических условиях.

В контексте обсуждаемого вопроса важно, на наш взгляд, обращение к такому понятию, как «матрица повседневности». С одной стороны, оно является как бы теневой стороной повседневной жизни с ее безальтернативностью, неизбежностью, цикличностью, замкнутостью, консервативностью, усредненностью [20, с. 105]. С другой стороны, «матрица повседневности» имеет весьма серьезный потенциал для предотвращения «расщепления исторической реальности» на миллионы индивидуальных жизненных миров.

Хотя содержание повседневной жизни во многом определяется уникальной индивидуальностью каждого человека, природные, политические, социальные, материальные параметры жизни неизбежно задают определенные границы и определенный ритм. По словам авторов одной из публикаций, «в каждую историческую эпоху, в каждой стране, для каждого человека существуют пределы индивидуализации повседневной жизни. Различия в структуре повседневности внутри каждой из социальных категорий определяются индивидуальной реализацией возможностей, существующих в достаточно жестких рамках “свободы выбора”, характерных для каждой из социальных групп» [49, с. 198].

Такая типологизация повседневности, выделение в ней внешних, максимально объективных обстоятельств, на наш взгляд, может стать еще одним фундаментом для создания обобщающих работ, исследующих массовые проявления повседневности.

Маргинальная повседневность

В последние годы появляется все больше концептов, конкретизирующих изучение повседневности: женская повседневность [7], детская повседневность [3], религиозная повседневность [54], военная повседневность [24; 49], городская повседневность [50], российская повседневность [58], советская повседневность [41], учебная повседневность [21], цифровая повседневность [36] и пр. Продолжая этот ряд, вполне правомерно и обобщение повседневности маргинальной, т.е. выходящей за пределы нормы, привычного течения жизни. Тем более, что существованию в исключительных, тяжелых условиях, несомненно, присущи свои особенности, влияющие на формирование и проявление и семейной, и деловой, и общественной сфер жизнедеятельности человека.

Это, в частности, хорошо иллюстрирует обращение к биографиям некоторых сибирских купцов. Так, инициатор открытия Северного морского пути М. К. Сидоров, составляя завещание в 40 с небольшим лет, объяснял это так: «Постоянно находясь в разъездах, иногда полной опасности жизни, я вознамерился составить духовное завещание» [47, л. 1]. В этих словах емко отражено полное непредсказуемости и испытаний существование на отдаленных от центра страны территориях. С другой стороны, можно говорить и о специфике повседневной жизни, например, в горах или на Севере и пр. и таким образом умножать концепты повседневности до бесконечности. Насколько все же оправдан ввод в употребление нового, возможно, и красивого термина? Вероятно, сами люди, которые вели такой «экстремальный» образ жизни, вовсе его так не воспринимали, а относились к нему (или, по крайней мере, к большей части внешних событий и обстоятельств) как к чему-то вполне обычному, рутинному.

Рассуждая о маргинальной повседневности, следует все же вначале определиться со смысловым наполнением этого термина. Понимаем ли мы под маргинальной повседнев-

ностью жизнь вполне социально-нормативных субъектов, помещенных в какую-то непривычную для них обстановку (например, повседневность русских купцов, ведущих караванную торговлю в Средней Азии)? Или маргинальной повседневностью будет считаться обыденная жизнь «париев» разного рода? Практические задачи, требующие ежедневного решения, в двух этих плоскостях будут абсолютно различны. В первом случае человек будет сосредоточен на взаимодействии с неблагоприятной внешней средой, но использовать при этом социально одобряемые или хотя бы социально приемлемые способы такого взаимодействия. Во втором случае речь будет идти, как правило, о социально осуждаемых вариантах поведения.

Первый вариант, несомненно, позволяет говорить о нестандартной, маргинальной повседневности, поскольку в данном случае можно выделить такие ключевые ее компоненты, как быт, поведение и сознание людей, попавших в непривычные для себя условия. Эти компоненты будут иметь общие характеристики у всех, оказавшихся в подобной обстановке, поскольку, как уже было сказано, данные субъекты повседневности в обычной жизни подчинялись установленным (сословным, корпоративным, профессиональным и т.д.) социальным нормам. Выработанные ранее стереотипы поведения и мышления будут несколько ограничивать вариативность поведения и мышления в новых условиях, что дает возможность выделить общие характеристики такого «маргинального» быта, поведения и психики. Возможно, к такому варианту повседневности будет все же более применим термин «экстремальная повседневность».

Возможно ли во втором варианте говорить об особой модели повседневности, если субъектами таковой являются либо отдельные личности, либо очень немногочисленные группы населения, находящиеся на периферии общественной нормы? Маргинальное положение такого отдельного человека или социальной группы связано, как правило, с утратой культурной идентичности, которая, по сути, и является базовым компонентом повседневности. Стереотипные, присущие каким-либо социальным группам варианты поведения, мышления, стандартные эмоциональные реакции на происходящее оказываются утерянными. В такой маргинальной среде каждый выступает сам за себя. Повседневность становится максимально индивидуализированной. В итоге, если не существует какой-либо консолидирующей таких маргиналов внешней силы (нормативной, идеологической и пр.), анализ их повседневной жизни становится невозможным.

Так, к примеру, вполне вероятным может быть изучение повседневности заключенных и проституток, политических ссыльных и участников золотой лихорадки, но абсолютно невозможными оказываются рассуждения о повседневности бездомных, карточных шулеров, прокаженных и тому подобных неформальных маргинальных групп.

Субъекты повседневности

Говоря о субъектах повседневности, во-первых, следует подчеркнуть, что в рамках изучения истории повседневности сегодня активно разрабатываются вопросы, связанные с жизнью детей и женщин. Именно повседневности этих половозрастных групп, несмотря на гораздо меньшую ее обеспеченность источниками по сравнению с мужчинами, отводится все большее внимание как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Где только возможно, женщинам «предоставляется право голоса». В частности, авторам новейшего зарубежного трехтомного труда по истории чтения в России «важно выделить женщин из общей массы читателей того или иного периода, подчеркнуть особенность их читательских практик, то есть сделать их видимыми, а при наличии источников “дать слово” каждой» [40, с. 137].

Выделение детской повседневности в качестве самостоятельного исследовательского поля также представляется научно обоснованным, так как этот феномен имеет свою

специфику и может рассматриваться как самостоятельный предмет изучения. Детскую повседневность невозможно трактовать однозначно и считать универсальной для всех типов социума. Наряду с константами (например, игра как ведущая форма деятельности) на каждом историческом этапе в ней появляются новые элементы, соответствующие культурно-историческим реалиям этой эпохи. Содержание детской повседневности максимально зависит от социокультурного контекста эпохи, поскольку ребенок может лишь следовать за сложившимися повседневными практиками, не пытаясь их видоизменить. Соответственно, исследование особенностей детской повседневности в конкретных пространственно-темпоральных обстоятельствах позволяет глубже понять общие принципы функционирования социальной системы [3].

Рассматривая женщин и детей в качестве самостоятельных субъектов повседневности, следует обратиться к более общей проблеме — правомерно ли говорить о социальных стратах или группах как субъектах повседневности? Можно ли утверждать, что существовал некий общий для конкретного социального слоя менталитет, единые социокультурные практики, включая повседневное поведение? Имел ли место «сословный» или «классовый» быт? Так, материалы Д. В. Тимофеева весьма наглядно свидетельствуют о культурной неоднородности русского дворянства на рубеже XVIII—XIX вв., что в значительной мере базировалось на различии в их благосостоянии. Кто-то из них мог обеспечить своим детям блестящее образование, а кто-то нет (см., напр.: [52]). Эти выводы были абсолютно справедливыми и в отношении купечества [5], и даже в отношении крестьян и пролетариев. Не только уровень доходов, но и уровень образования, семейный статус, религиозная принадлежность влияли на способ ежедневного существования человека.

Так что же? Получается, что говорить о дворянской или купеческой повседневности как о чем-то целостном, едином для всех дворян или купцов неправомерно? Выходит, что, например, дворянская повседневность распадается на множество мелких составляющих и в конечном счете сводится к повседневной жизни отдельного человека? Вероятно, определенным выходом из данной ситуации может стать опора на максимально объективные источники, например, на нормативно-правовые документы, регламентирующие права и обязанности субъектов повседневности. Исходя из анализа этих правовых возможностей, становится вполне реальным определить границы дозволенного и должного для каждого из субъектов. На этом фундаменте далее будут выстраиваться стереотипы сознания, шаблоны поведения и бытовые привычки тех или иных сообществ.

В то же время распространять понятие повседневности на слишком широкие общности не стоит. На наш взгляд, в качестве основных ограничивающих факторов следует рассматривать временные и территориальные границы, поскольку одна и та же социальная группа в разных регионах и в разные эпохи по факту существовала в различных внешних обстоятельствах (природных, нормативных, политических, экономических, идеологических и пр.). Причем чем ближе изучаемая повседневность ко дню сегодняшнему, тем более узкие хронологические рамки следует применять для ее анализа, поскольку изменения в образе жизни, жизненном укладе различных поколений происходят все быстрее и быстрее. Если к повседневности, например, двухсотлетней давности вполне применимы полувековые временные интервалы, то сегодня в качестве исследуемого временного отрезка, на наш взгляд, следует брать не более одного десятилетия.

Сама постановка вопроса о временных и пространственных границах повседневности нашла отражение в целом ряде публикаций современных авторов. Так, например, Е. А. Ядрихинская пишет, что «повседневность — это пространство, на котором протекает человеческая жизнь, обогащенная опытом предков, где события частного бытия

соприкасаются с историческим процессом, взаимопроникают и отражаются в восприятии их самим человеком» [63, с. 98]. Под пространством повседневности понимается «место, территория, где протекает повседневная жизнь», которое делится на три составляющих: физическое пространство (с центром в жилище, доме, где «вершится драма повседневной жизни»), пространство перцептуальное (воспринимаемое человеком через органы чувств) и пространство концептуальное (культурное); «границы жилища делят пространство повседневности на внутреннее и внешнее» [33, с. 204—205]. В связи с этим возникает вопрос, а возможен ли, например, разговор о границах повседневности кочевников — сарматов, гуннов, половцев, монголов и прочих, пространство обитания которых составляло многие тысячи километров и располагалось в абсолютно разных природно-климатических зонах и социально-культурных условиях?

К важным категориальным основаниям следует также отнести базовые для социальной стратификации характеристики: доступ к власти (государственной, семейной и пр.) и ее масштаб, размер доходов, уровень образования и количество свободного времени. Дополнительными параметрами можно назвать конфессиональную, этническую и поселенческую принадлежность, специфику профессиональной деятельности, семейный статус.

Применительно к купеческому сословию эти критерии позволяют проследить различия в повседневности не только купцов разных гильдий, но и, например, разницу в обыденности коммерсантов, занимающихся внутренней или внешней торговлей (причем для организаторов русско-европейских торговых контактов повседневность будет не такой, как у купцов, ведущих русско-азиатский торг), обладателей фабрик и заводов или участников ярмарочного торга. Можно говорить об особой повседневности (по крайней мере, трудовой) купцов, занимающих должности в системе городского самоуправления. Значительные различия можно выделить в повседневности купцов-мусульман и православных торговцев. П. Вистенгоф в очерке, посвященном дореформенному купечеству, отмечал различия между московскими купцами, которые были приверженцами разных культурных традиций: «Три рода купцов в Москве: один носит бороду, другой ее бреет, а третий только подстригает. <...> Жена ходит по-русскому в платке, когда муж с бородою, и в чепце или шляпке, когда муж бороду бреет или даже и тогда, когда он ее только подстригает» [14, с. 105—106].

Заметим также, что в публикациях современных авторов в качестве субъектов повседневности не всегда фигурируют люди. Например, Н. К. Эйнгорн ставит вопрос следующим образом: «Повседневность морали и мораль повседневности» [61]; Е. Толстик говорит о «повседневности авангарда» [53]. Таким образом, в качестве непосредственных акторов повседневности выводятся некие интеллектуальные понятия или культурные явления. Такой подход существенно расширяет круг потенциальных действующих лиц повседневности.

Повседневность и государство

В свое время П. Ревко заметил, что повседневные практики никогда не выступали в форме проектов, программ, доктрин социального изменения. Они не воплощались ни в каком официальном институте, создавали своеобразные «свободные зоны», защищенные или защищающиеся от институциональных давлений [46]. Так возможно ли проникновение государства как официального социального института в сферу повседневного или все же повседневность остается преимущественно пространством частной жизни?

На наш взгляд, государство не просто может, а фактически присутствует (да и почти всегда присутствовало) в повседневном, так как повседневность пронизана сложными взаимосвязями с «большим миром» политики, высокой культурой и духовной жизнью.

Эти взаимосвязи носят разносторонний характер: с одной стороны, повседневность питается «большими» идеями и ценностями через их постепенную рутинизацию, с другой — она сама становится источником инноваций, лежащих в основе развития общества.

Кроме того, существует мнение, что государство может влиять на повседневность, например, через макротехнологические воздействия, дисциплинарные технологии, социокультурное регулирование. На примере социального рейтинга — системы оценки доверия и благонадежности граждан Китая — мы сегодня можем наблюдать именно этот процесс. Государство оценивает и рейтингует людей не только по принципу их финансовой стабильности, собирая информацию о наличии/отсутствии кредитов, но также следит за поведением своих граждан, подсчитывая штрафы за нарушение ПДД или общественного порядка, беря на контроль жалобы соседей или учитывая опыт волонтерской деятельности. Информация собирается в режиме нон-стоп через различные мобильные приложения и программы. В итоге человек, стремящийся к высокому социальному статусу, вынужден менять свою повседневность.

Известны и периоды российской истории, когда государство решительно вмешивалось в, казалось бы, совершенно личные вопросы. На примере XXVI тома Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ) (1800—1801 гг.) видно, что центральная власть, например, определяла не только структуру, задачи и функции различных государственных учреждений, но и внешний облик служащих (указ «О мундирах для генералитета и прочих чинов», № 19295), режим труда и отдыха («О присутствии в Сенате, коллегиях и прочих местах в Страстную неделю до четверга, а в неделю Св. Пасхи с среды», № 19354), служебное поведение («О вычитании из жалованья у всех тех, кои сверх 29 дней бывают в отпуску», № 19705), что, несомненно, относится к сфере повседневного. Прямым вмешательством в частную жизнь может служить указ «Об испрашивании генералитету, штаб- и обер-офицерам, желающим сочетаться законным браком, предварительно на то Высочайшего соизволения» (№ 19254).

Достаточно подробную регламентацию повседневной жизни можно найти, например, в «Инструкции внутреннего распорядка и управления в Саратовских колониях» (ПСЗРИ. Т. 26. № 19562). Состоявшая из нескольких десятков пунктов Инструкция, в частности, гласила: «1. Главнейшая должность всех поселян повиноваться закону своей церкви: для чего должно, чтобы каждый из них в воскресенье и праздничные, от патеров назначаемые дни приходил в храм, со всяким благоговением молился, прилежно слушал слово Божие, и по удостоению приобщался Святых Таин»; «20. Запрещать, чтоб по ночам в домах своих и по улицам с лучинами и свечами без фонарей и закуреными трубками отнюдь бы никто не ходил, которые же будут тому ослушны, таких наказывать денежною пеней за каждый раз по 5 копеек»; «42. Роскошь, а наипаче мотовство всею силою начальники между колонистами истреблять должны...». Можно вспомнить и запреты Павла I на использование слова «гражданин», ношение бакенбард, на портсигары, круглые шляпы, высокие сапоги и пр.

Государство активно внедрялось в повседневность и во времена Петра I, и в период становления советской власти, и после распада СССР. Оно жестко регламентировало быт (вводило новую одежду, требовало брить бороды, осуждало «мещанские» фикусы и кружевные салфеточки), поведение (требовало организации ассамблей и партсобраний, вводило упрощенную процедуру брака и развода и запрещало аборты) и даже сознание (через атеистическую пропаганду). В результате сфера неинституционализированной повседневной жизни сужается сегодня до домашнего пространства, а иногда даже до сферы индивидуальной психики.

Воплощение повседневного

Повседневная жизнь проступает практически через любые, даже, казалось бы, максимально далекие от такого локального понятия явления и феномены. Повседневность может проявлять себя как в вещных объектах, так и в объектах, не имеющих материального воплощения.

Исходя из предложенной ранее структуры повседневности, мы видим, что в первую очередь она демонстрирует себя через индивидуальный быт, поведение и шаблоны мышления. Предметный, бытовой мир повседневности сегодня представляет собой чрезвычайно популярное направление исследований. Особенно восторженно принимаются работы, позволяющие немного поностальгировать о времени детства и юности современных «взрослых» [29—31]. Как отмечал Л. П. Карсавин, материальное «всегда символично и в качестве такового необходимо для историка во всей своей материальности. Оно всегда выражает, индивидуализирует и нравственное состояние общества, и его религиозные и эстетические взгляды, и его социально-экономический строй» [23, с. 101].

При этом бытовая составляющая повседневности неизбежно будет накладывать отпечаток на другие ее компоненты, проявляя себя через поведение и мышление. Недалеко можно встретить исследования о, например, театральности или девиантности как феноменах/структурах повседневности [22]. Так, например, трансформация женского костюма на протяжении первой половины XX столетия — отказ от корсетов, перчаток, объемных шляп, включение в женский гардероб брюк и пиджаков мужского кроя — трансформировало восприятие женщины общественным сознанием, перевело ее из разряда «прекрасного и хрупкого цветка» в разряд партнера и коллеги. Сама женщина при этом изменила походку, жестикуляцию, стала более свободна в плане поведения, эмоций и речи. Следствием этого стали изменения, произошедшие в самовосприятии женщин, их самооценке, жизненных целях, мотивации и других проявлениях мышления.

Однако повседневность проступает не только в индивидуальном стиле. Окружающая человека реальность также становится полотном, на котором проявляются различные аспекты привычной, шаблонной обыденности.

Характер повседневной жизни будет определять специфику вербальной (наиболее употребительные слова, речевые заимствования, речевой этикет, допустимость/недопустимость обценной лексики и пр.) и невербальной (смайлики, жесты) коммуникации. Варианты эмоционального (сдержанность, холодность или, напротив, чрезмерная экзальтированность), физиологического (меры поддержания здоровья, степень табуированности естественных потребностей организма), экологического (отношение к природе) и других видов поведения также являются производными повседневности. Даже окружающий человека ландшафт может восприниматься в этой связи в двух ипостасях — и как формирующее повседневность пространство, и как результат самой повседневности.

В качестве примера можно привести ключевые принципы построения ландшафта в таких стилях, как барокко и сентиментализм. Барочная повседневность, построенная на игре, подчеркнутой театральности, тяготела к повсеместной искусственности. Все должно было быть не таким, как казалось. В построении пространства это выразилось в создании так называемых цветочных часов, в искусственном формировании крон деревьев, создании рукотворных французских парков. Напротив, сентиментальная повседневность стремилась к подчеркнутой естественности, что в ландшафтной архитектуре стало причиной возникновения парков английских, более напоминающих природные леса.

Культура, производимая социумом на разных этапах его существования, — это тоже воплощение повседневности. То, что смотрит и слушает аудитория, что она читает, то, как люди фотографируются, какие анекдоты они рассказывают друг другу, то, какие го-

лоса, лица и фигуры нынче в моде, то, что люди едят и пьют, вполне можно рассматривать как отражение обыденных человеческих практик и поведенческих шаблонов. В современных условиях к проявлениям повседневности можно отнести такие новые для социума феномены, как мемы и рилсы.

В целом хранителем повседневности может служить абсолютно любой объект или феномен окружающей реальности, если к нему подойти с нужным методологическим набором. Именно поэтому обсуждение теоретических вопросов истории повседневности сегодня представляется одной из наиболее важных и актуальных научных проблем.

Заключение

Таким образом, обсуждение феномена повседневности влечет за собой рассмотрение целого комплекса вопросов и проблем. Думается, что большинство из них так и останутся в дискуссионном поле, но это вовсе не означает, что их осмысление в рамках прошедшего в апреле 2025 г. в Оренбурге научно-методологического семинара не принесло практических результатов. Напротив, периодическое обращение к теоретическим основам научных исследований в области истории повседневности весьма полезно не только профессиональным теоретикам, но и всем «собираателям фактов», поскольку именно оно обуславливает движение в нужном направлении при поиске ответа на ключевой вопрос человеческого бытия: «Кто мы, откуда, куда мы идем?».

Список источников

1. Абдрахманов К. А. Новое исследование казачьей повседневности. Рецензия на книгу: Годовова Е. В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX — начале XX в. / науч. ред. П. С. Кабытов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. 464 с. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2021. № 1 (37). С. 162—167. URL: http://vestospu.ru/archive/2021/articles/13_37_2021.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2021.37.13.
2. Абдрахманов К. А. Трудовая повседневность российского купечества в контексте экономических связей России с государствами Азии в XVIII — начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2024. 36 с.
3. Абдрахманова Е. Н., Бурлуцкая Е. В. Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX — начала XX в. Оренбург : Оренбургская книга, 2024. 495 с.
4. Банникова Е. В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7-2 (13). С. 21—24.
5. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб. : Полторак, 2014. 440 с.
6. Банникова Е. В. Повседневность как объект исторического исследования // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 3. С. 54.
7. Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 25—67.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
9. Бессмертный Ю. Л. «Анналы» — переломный этап? // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М. : Наука, 1991. С. 8—25.
10. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. : в 3 т. Т. 1 : Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М. : Прогресс, 1986. 623 с.
11. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М. : Прогресс, 1991. С. 39—50.
12. Верemenko В. А., Левашко В. О., Никуленкова Е. В. Вопросы методологии, историографии и источниковедения истории повседневности на платформе международной научной конференции «Частное и общественное в повседневной жизни населения России» (15—18 марта 2018 г., Санкт-Петербург, г. Пушкин) // XXII Царскосельские чтения : материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 23—24 апр. 2018 г. СПб. : Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2018. Т. 1. С. 221—226.

13. Веретенко В. А., Любичанковский С. В. От Н. Л. Пушкиревой до Н. Л. Пушкиревой: современная историография истории женской повседневности в России // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3 (46). С. 85—94. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-3-85-94.
14. Вистенгоф П. Купцы // Русский очерк. 40—50-е годы XIX века. М. : Изд-во Московского ун-та, 1986. С. 105—110.
15. Вялых Н. А. Социология для повседневности или повседневность для социологии? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 95—102. DOI: 10.52452/18115942_2021_2_95.
16. Гирц К. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с. (Культурология. XX век).
17. Годовова Е. В. Методологическое поле истории повседневности как основа изучения казачьей повседневности // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Философия. 2024. Т. 6, № 2. С. 36—43.
18. Гуревич А. Я. Школа «Анналов» и проблема исторического синтеза. М. : Индрик, 1993. 328 с.
19. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Владимир Даль : Фонд ун-т, 2004. 398 с.
20. Заховаева А. Г. Смысл «истории повседневности» и «философия повседневности» в контексте гуманистической парадигмы // Ценности и смыслы. 2023. № 3 (85). С. 102—111. DOI: 10.24412/2071-6427-2023-3-102-111.
21. Иванова Е. В., Барсукова Е. М., Блинова А. О., Тер-Григорян А. Э. Репрезентация истории школы через сохранение артефактов учебной повседневности в процессе реновации и строительства школьных зданий // Перспективы науки и образования. 2024. № 2 (68). С. 62—79. DOI: 10.32744/pse.2024.2.4.
22. Ищенко В. Г. Театральность как феномен повседневности: социально-философский аспект // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 4 (42). С. 51—56.
23. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб. : АО «Комплект», 1993. 349 с.
24. Кильдяйкина В. В. История военной повседневности в контексте общей проблематики истории повседневности // Молодежь. Наука. Будущее. Международная студенческая научно-практическая конференция, Оренбург, 22—23 мая 2019 г. : сб. статей / отв. за вып. К. А. Абдрахманов. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2019. С. 99—100.
25. Кискидосова Т. А. Города Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам сибирских газет). Красноярск : Офсет, 2023. 432 с.
26. Кискидосова Т. А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Абакан : Бригантина : Кооператив «Журналист», 2012. 312 с.
27. Комлева Е. В. Российское купечество в Центральной Азии. Рецензия на диссертацию Константина Алексеевича Абдрахманова «Трудовая повседневность российского купечества в контексте экономических связей России с государствами Азии в XVIII — начале XX в.», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 3 (55). С. 290—301. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/55/17_55_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.55.17.
28. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История повседневности : сб. науч. работ. СПб. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2003. С. 7—14.
29. Лебина Н. Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917—1991. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 584 с.
30. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920—1930-е годы. СПб. : Журнал «Нева» : Издательский дом «Летний сад», 1999. 320 с.
31. Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950—1960-е годы. СПб. : Крига : Победа, 2015. 484 с.
32. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб. : СПбГАК, 2002. 320 с.
33. Лернер Л. А. Пространство повседневности русского купечества в XIX веке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 57. С. 204—210.
34. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб. : Искусство, 1994. 400 с.
35. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1988—1999. М. : [б. и.], 1999. С. 77—100.
36. Марцинковская Т. Д. Новая методология цифровой повседневности // Вопросы психологии. 2023. Т. 69, № 2. С. 3—13.
37. Маслова И. В. Городские легенды и поверья как форма трансляции повседневного опыта провинциального купечества второй половины XIX — начала XX века // Вестник Оренбургского государственного

го педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 3 (47). С. 218—227. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/14_47_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.14.

38. Матханова Н. П. Фрагменты мемуарного и автобиографического характера в деловых документах XIX в. на примере отчетов сибирских генерал-губернаторов // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 34—44. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-1-34-44.

39. Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М. : Наука, 2006. 380 с.

40. Морева О. В. История чтения в России. Новое знание // Библиосфера. 2022. № 3. С. 136—139. DOI: 10.20913/1815-3186-2022-3-136-139.

41. Мюллер В. Д. П. Роль итальянской культуры в контексте советской повседневности периода 1960—1970-х гг. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1. С. 66—72.

42. Парсонс Т. Очерк социальной системы // О социальных системах / пер. с англ. А. Харраша ; под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М. : Академический проект, 2002. С. 545—687.

43. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3—19.

44. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь и проблема повседневности глазами историка // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Науч. конф. Москва, 27—28 февр. 2002 г. : тез. докл. М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2002. С. 44—46.

45. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 1. С. 7—22.

46. Ревко П. Искусственные интеллектуальные системы и повседневная жизнь человека. Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2009. 130 с.

47. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 270. Оп. 3. Д. 76.

48. Семейная жизнь. Счастливые и драматические истории на фоне городской повседневности : материалы науч. семинара, посвящ. исследованиям проблем истории повседневности, Оренбург, 12 дек. 2018 г. Оренбург : ИПК «Университет», 2018. 117 с.

49. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы : в 6 т. М. : МГИМО-Университет, 2010. Т. 3. С. 197—211.

50. Смирнова О. В. Мир техники и городская повседневность // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 14—16 марта 2019 г. СПб. : Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2019. Т. 2. С. 74—80.

51. Суржикова Н. В. Это странное слово «эго-документы»: Интеллектуальная мода или осознанная необходимость // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. медиевистов Арона Яковлевича Гуревича и Марэна Михайловича Фрейденберга, Тверь, 30—31 мая 2014 г. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2014. С. 230—236.

52. Тимофеев Д. Электоральные конфликты и групповая солидарность российского дворянства в царствование Александра Первого // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 4. С. 1274—1291. DOI: 10.15826/qt.2020.4.527.

53. Толстик Е. Повседневность авангарда и авангард повседневности Беларуси // Опыты авангарда: от утопии к практикам повседневности : материалы междунар. симпозиума, Екатеринбург, 12—15 мая 2015 г. Екатеринбург : Екатеринбургская академия современного искусства (институт), 2016. С. 60—70.

54. Трубина Е. Г., Саид Л. От исследований повседневности к исследованиям религиозной повседневности: понятие «живой религии» // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 11. С. 185—188. DOI: 10.30853/mns200514.

55. Условия повседневности. Обстоятельства, определяющие жизнь : материалы науч. семинара, посвящ. исследованиям проблем истории повседневности, Оренбург, 14 дек. 2017 г. Оренбург : ИПК «Университет», 2017. 80 с.

56. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне : пер. с нем. М. : Весь Мир, 2003. 416 с.

57. Хисамутдинова Р. Р. Рецензия на книгу: Зинич М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М. : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 349 с. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 2 (34). С. 217—226. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/18_34_2020.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.34.18.

58. Человек в российской повседневности: история и современность : VI Междунар. науч.-практ. конф., март 2013 г. : сб. статей. Пенза : ПГСХА, 2013. 103 с.

59. Шевелев В. Н., Золотухин В. Е., Попов А. В., Степанов О. В. Маргинал в повседневности российской модернизации // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. С. 60—65.
60. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 23—34.
61. Эйнгорн Н. К. Повседневность морали и мораль повседневности // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках : материалы X науч.-практ. конф. Гуманитарного университета. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2007. Т. 1. С. 113—115.
62. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. Т. 1. 332 с. ; Т. 2. 382 с.
63. Ядрихинская Е. А. Повседневность человека экзистенциального // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке : материалы V Всерос. науч.-практ. интернет-конференции. Воронеж : Воронежский гос. пед. ун-т, 2014. С. 98—103.
64. Яхно О. Н. История повседневности: проблема расширения источниковой базы // Домашняя повседневность населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 7—9 апр. 2022 г. СПб. : Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина : Медиапапир, 2022. Т. 1. С. 37—41.

References

1. Abdrakhmanov K. A. *Novoe issledovanie kazach'ei povsednevnosti. Retenziya na knigu: Godovova E. V. Povsednevnaya zhizn' rossiiskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* SPb.: Dmitrii Bulanin, 2020. 464 s. [A new study of Cossack everyday life. Review of the book: Godovova E. V. The daily life of Russian Cossacks in the second half of the 19th — early 20th centuries, sci. ed. P. S. Kabytov. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2020. 464 p.]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2021, no. 1 (37), pp. 162—167. Available at: http://vestospu.ru/archive/2021/articles/13_37_2021.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2021.37.13. (In Russian)
2. Abdrakhmanov K. A. *Trudovaya povsednevnost' rossiiskogo kupechestva v kontekste ekonomicheskikh svyazei Rossii s gosudarstvami Azii v XVIII — nachale XX v.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Everyday life of Russian merchants in the context of Russia's economic ties with Asian countries in the 18th — early 20th centuries. Abstr. Dr. Dis.]. Orenburg, 2024. 36 p. (In Russian)
3. Abdrakhmanova E. N., Burlutskaya E. V. *Rebenok na rubezhe stoletii. Detskaya povsednevnost' v Orenburge vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [The child at the turn of the century. Everyday life of children in Orenburg in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Orenburg, Orenburgskaya kniga Publ., 2024. 495 p. (In Russian)
4. Bannikova E. V. Kriterii povsednevnosti: teoretiko-metodologicheskie osnovy istorii povsednevnoi zhizni [Daily life criteria: theoretical and methodological backgrounds of daily life history]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Theory & Practice*, 2011, no. 7-2 (13), pp. 21—24. (In Russian)
5. Bannikova E. V. *Povsednevnaya zhizn' provintsial'nogo kupechestva (na materialakh gubernii Urala doreformennogo perioda)* [Everyday life of provincial merchants (based on materials from the Ural provinces of the pre-reform period)]. St. Petersburg, Poltorak Publ., 2014. 440 p. (In Russian)
6. Bannikova E. V. Povsednevnost' kak ob'ekt istoricheskogo issledovaniya [The daily routine as the object of historical research]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 2011, no. 3, pp. 54. (In Russian)
7. Belova A. V. Zhenskaya povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti: istoriograficheskii i metodologicheskii aspekty [Women's everyday life as a subject of everyday history. Historiographical and methodological aspects]. *Rossiiskaya povsednevnost' v zerkale gendernykh otnoshenii* [Russian everyday life in the mirror of gender relations]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, pp. 25—67. (In Russian)
8. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russian)
9. Bessmertnyi Yu. L. “Annaly” — perelomnyi etap? [“The Annals” — a turning point?]. *Odissei. Chelovek v istorii. Kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya* [Odysseus. Man in history. Cultural-anthropological history today]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 8—25. (In Russian)
10. Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV—XVIII vv.: v 3 t. T. 1: Struktury povsednevnosti: Vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilization, economy, and capitalism, 15—18th centuries. In 3 vols. Vol. 1: Structures of everyday life. The possible and the impossible]. Moscow, Progress Publ., 1986. 623 p. (In Russian)

11. Val'denfel's B. Povsednevnost' kak plavil'nyi tigl' ratsional'nosti [Everyday life as a melting pot of rationality]. *Sotsio-Logos* [Socio-Logos]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 39—50. (In Russian)
12. Veremenko V. A., Levashko V. O., Nikulenkova E. V. Voprosy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii povsednevnosti na platforme mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii" (15—18 marta 2018 g., Sankt-Peterburg, g. Pushkin) [Issues of methodology, historiography, and source studies in the history of everyday life on the platform of the international scientific conference "Private and public in everyday life of the population of Russia" (March 15—18, 2018, St. Petersburg, Pushkin)]. *XXII Tsarskosel'skie chteniya: materialy mezhdunar. nauch. konf., Sankt-Peterburg, 23—24 aprelya 2018 g.* [XXII Tsarskoye Selo Readings. Proceed. of the Internat. sci. conf., St. Petersburg, Apr. 23—24, 2018]. St. Petersburg, Leningradskii gos. un-t im. A. S. Pushkina Publ., 2018, vol. 1, pp. 221—226. (In Russian)
13. Veremenko V. A., Lyubichankovskii S. V. Ot N. L. Pushkarevoi do N. L. Pushkarevoi: sovremennaya istoriografiya istorii zhenskoi povsednevnosti v Rossii [From Natalia L. Pushkareva to Natalia L. Pushkareva. Contemporary historiography of Russian women's daily life history]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya — Perm University Herald. History*, 2019, no. 3 (46), pp. 85—94. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-3-85-94. (In Russian)
14. Vistengof P. Kupty [Merchants]. *Russkii ocherk. 40—50-e gody XIX veka* [Russian essay. 1840—50s]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 1986, pp. 105—110. (In Russian)
15. Vyalykh N. A. Sotsiologiya dlya povsednevnosti ili povsednevnost' dlya sotsiologii? [Sociology for everyday life or everyday life for sociology?]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial'nye nauki — Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Ser. Social Sciences*, 2021, no. 2 (62), pp. 95—102. DOI: 10.52452/18115942_2021_2_95. (In Russian)
16. Girts K. *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 560 p. (Kul'turologiya. XX vek). (In Russian)
17. Godovova E. V. Metodologicheskoe pole istorii povsednevnosti kak osnova izucheniya kazach'ei povsednevnosti [Methodological field of the history of daily occurrence as a basis for studying the Cossack everyday]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. Filosofiya — Vestnik of Samara State Technical University. Ser. Philosophy*, 2024, vol. 6, no. 2, pp. 36—43. (In Russian)
18. Gurevich A. Ya. *Shkola "Annalov" i problema istoricheskogo sinteza* [The Annales School and the Problem of Historical Synthesis]. Moscow, Indrik Publ., 1993. 328 p. (In Russian)
19. Gusserl' E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu, per. s nem. D. V. Sklyadneva* [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. Introduction to phenomenological philosophy. Transl. from German by D. V. Sklyadnev]. St. Petersburg, Vladimir Dal', Fond un-t Publ., 2004. 398 p. (In Russian)
20. Zakhovaeva A. G. Smysl "istorii povsednevnosti" i "filosofiya povsednevnosti" v kontekste gumanisticheskoi paradigmy [Meaning of the "History of everyday life" and "Philosophy of everyday life" in context of humanistic paradigm]. *Tsennosti i smysly — Values and Meanings*, 2023, no. 3 (85), pp. 102—111. DOI: 10.24412/2071-6427-2023-3-102-111. (In Russian)
21. Ivanova E. V., Barsukova E. M., Blinova A. O., Ter-Grigoryan A. E. Reprezentatsiya istorii shkoly cherez sokhranenie artefaktov uchebnoi povsednevnosti v protsesse renovatsii i stroitel'stva skol'nykh zdaniy [Schools history representation through the preservation of educational everyday life artifacts through the process of renovation and construction of school buildings]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya — Perspectives of Science & Education*, 2024, no. 2 (68), pp. 62—79. DOI: 10.32744/pse.2024.2.4. (In Russian)
22. Ishchenko V. G. Teatral'nost' kak fenomen povsednevnosti: sotsial'no-filosofskii aspekt [Theatricality as a phenomenon of technology and technological decisions]. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2013, no. 4 (42), pp. 51—56. (In Russian)
23. Karsavin L. P. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. St. Petersburg, AO "Komplekt" Publ., 1993. 349 p. (In Russian)
24. Kil'dyaikina V. V. Istoriya voennoi povsednevnosti v kontekste obshchei problematiki istorii povsednevnosti [The history of everyday life in the military in the context of the general problems of everyday history]. *Molodezh'. Nauka. Budushchee. Mezhdunarodnaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Orenburg, 22—23 maya 2019 g.: sb. statei* [Youth. Science. Future. Internat. student sci. and pract. conf., Orenburg, May 22—23, 2019. Collect. of articles]. Orenburg, Izd-vo OGPU Publ., 2019, pp. 99—100. (In Russian)
25. Kiskidosova T. A. *Goroda Eniseiskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. (po materialam sibirskikh gazet)* [Cities of the Yenisei governorate in the second half of the 19th — early 20th centuries (Based on Siberian newspapers)]. Krasnoyarsk, Ofset Publ., 2023. 432 p. (In Russian)
26. Kiskidosova T. A. *Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Eniseiskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka* [Everyday life of the Yenisei governorate in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Abakan, Brigantina, Kooperativ "Zhurnalst" Publ., 2012. 312 p. (In Russian)

27. Komleva E. V. Rossiiskoe kupechestvo v Tsentral'noi Azii. Retsenziya na dissertatsiyu Konstantina Alekseevicha Abdrakhmanova "Trudovaya povsednevnost' rossiiskogo kupechestva v kontekste ekonomicheskikh svyazei Rossii s gosudarstvami Azii v XVIII — nachale XX v.", predstavlenuyu na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk po spetsial'nosti 5.6.1. Otechestvennaya istoriya [Russian merchants in Central Asia. Review of Konstantin Alekseevich Abdrakhmanov's thesis "The daily work of Russian merchants in the context of Russia's economic relations with Asian countries in the 18th and early 20th centuries", submitted for the degree of Doctor of Historical Sciences in specialty 5.6.1. Russian History]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 3 (55), pp. 290—301. Available at: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/55/17_55_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.55.17. (In Russian)
28. Krom M. M. Povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya (vmesto predisloviya) [Everyday life as a subject of historical research (instead of a preface)]. *Istoriya povsednevnosti: sb. nauch. rabot* [History of everyday life. A collection of scientific papers]. St. Petersburg, Evropeiskii un-t v Sankt-Peterburge Publ., 2003, pp. 7—14. (In Russian)
29. Lebina N. B. *Passazhiry kolbasnogo poezda. Etyudy k kartine byta rossiiskogo goroda: 1917—1991* [Passengers on the Sausage train. Sketches of everyday life in a Russian city: 1917—1991]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 584 p. (In Russian)
30. Lebina N. B. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920—1930-e gody* [Everyday life in the soviet city. Norms and anomalies. 1920s—1930s]. St. Petersburg, Zhurnal "Neva", Izdatel'skii dom "Letnii sad" Publ., 1999. 320 p. (In Russian)
31. Lebina N. B. *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy. Destruktsiya bol'shogo stilya. Leningrad, 1950—1960-e gody* [Everyday life in the age of space and corn. The destruction of grand style. Leningrad, 1950s—1960s]. St. Petersburg, Kriga, Pobeda Publ., 2015. 484 p. (In Russian)
32. Leleko V. D. *Prostranstvo povsednevnosti v evropeiskoi kul'ture* [Everyday space in European culture]. St. Petersburg, SPbGAK Publ., 2002. 320 p. (In Russian)
33. Lerner L. A. *Prostranstvo povsednevnosti russkogo kupechestva v XIX veke* [The everyday life of Russian merchants in the 19th century]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, no. 57, pp. 204—210. (In Russian)
34. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations on Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (18th — early 19th centuries)]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1994. 400 p. (In Russian)
35. Lyudtke A. Chto takoe istoriya povsednevnosti? Ee dostizheniya i perspektivy v Germanii [What is everyday history? Its achievements and prospects in Germany]. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 1988—1999* [Social history. Yearbook. 1988—1999]. Moscow, 1999, pp. 77—100. (In Russian)
36. Martsinkovskaya T. D. Novaya metodologiya tsifrovoy povsednevnosti [A new methodology of the digital everyday life]. *Voprosy psikhologii*, 2023, vol. 69, no. 2, pp. 3—13. (In Russian)
37. Maslova I. V. Gorodskie legendy i pover'ya kak forma translyatsii povsednennogo opyta provintsial'nogo kupechestva vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [Urban legends and beliefs as a form of representing everyday experience of provincial merchants in late 19th — early 20th centuries]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 3 (47), pp. 218—227. Available at: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/14_47_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.14. (In Russian)
38. Matkhanova N. P. Fragmenty memuar'nogo i avtobiograficheskogo kharaktera v delovykh dokumentakh XIX v. na primere otchetov sibirskikh general-gubernatorov [Memoirs and autobiographical fragments in official documents of the 19th century on the example of the Siberian governors'-general reports]. *Vestnik arkhivista — Herald of an Archivist*, 2023, no. 1, pp. 34—44. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-1-34-44. (In Russian)
39. Minenko N. A., Apkarimova E. Yu., Golikova S. V. *Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII — nachale XX veka* [Everyday life in a Ural city in the 18th — early 20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 380 p. (In Russian)
40. Moreva O. V. Istoriya chteniya v Rossii. Novoe znanie [History of reading in Russia. New knowledge]. *Bibliosfera — Bibliosphere*, 2022, no. 3, pp. 136—139. DOI: 10.20913/1815-3186-2022-3-136-139. (In Russian)
41. Myuller V. D. P. Rol' ital'yanskoi kul'tury v kontekste sovetskoi povsednevnosti perioda 1960—1970-kh gg. [Role of Italian culture in the context of soviet everyday life during 1960—1970s]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv — Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, 2021, no. 1, pp. 66—72. (In Russian)
42. Parsons T. Oчерк sotsial'noi sistemy [An Essay on Social Systems]. *O sotsial'nykh sistemakh. Per. s angl. A. Kharrasha* [On social systems. Transl. from English by A. Harrasch]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002, pp. 545—687. (In Russian)

43. Pushkareva N. L. Predmet i metody izucheniya “istorii povsednevnosti” [The scope and methods of the study of everyday life history]. *Etnograficheskoe obozrenie — Ethnographic Review*, 2004, no. 5, pp. 3—19. (In Russian)
44. Pushkareva N. L. Chastnaya zhizn' i problema povsednevnosti glazami istorika [Private life and the problem of everyday life through the eyes of a historian]. *Demograficheskaya modernizatsiya, chastnaya zhizn' i identichnost' v Rossii, Nauch. conf. Moskva, 27—28 fevralya 2002 goda: tez. dokl.* [Demographic modernization, private life and identity in Russia. Sci. conf. Moscow, Febr. 27—28, 2002. Abstr. reports]. Moscow, In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN Publ., 2002, pp. 44—46. (In Russian)
45. Pushkareva N. L., Lyubichankovskii S. V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoly Annalov k rossiiskoi filosofskoi shkole [“Everyday life history” in modern historical research: from school of the annals to the Russian philosophical school]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 7—22. (In Russian)
46. Revko P. *Iskusstvennye intellektual'nye sistemy i povsednevnyaya zhizn' cheloveka* [Artificial intelligent systems and everyday human life]. Taganrog, Izd-vo TTI YuFU Publ., 2009. 130 p. (In Russian)
47. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk* [St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences]. F. 270. Op. 3. D. 76.
48. *Semeinaya zhizn'. Schastlivye i dramaticheskie istorii na fone gorodskoi povsednevnosti: materialy nauch. seminara, posvyashch. issledovaniyam problem istorii povsednevnosti, Orenburg, 12 dek. 2018 g.* [Family life. Happy and dramatic stories against the background of urban everyday life. Proceed. of a sci. seminar on research into the problems of everyday history, Orenburg, Dec. 12, 2018]. Orenburg, IPK “Universitet” Publ., 2018. 117 p. (In Russian)
49. Senyavskii A. S., Senyavskaya E. S. Voennaya povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya: teoretiko-metodologicheskie problemy [Wartime everyday life as a subject of historical research. Theoretical and methodological issues]. *65 let Velikoi Pobedy: v 6 t.* [65 Years of the Great Victory. In 6 vols]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2010, vol. 3, pp. 197—211. (In Russian)
50. Smirnova O. V. Mir tekhniki i gorodskaya povsednevnost' [The world of technology and everyday life in the city]. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., Sankt-Peterburg, 14—16 marta 2019 g.* [Natural and geographical factors in everyday life of the population of Russia. History and modernity. Proceed. of the Internat. sci. conf., St. Petersburg, March 14—16, 2019]. St. Petersburg, Leningradskii gos. un-t im. A. S. Pushkina Publ., 2019, vol. 2, pp. 74—80. (In Russian)
51. Surzhikova N. V. Eto strannoe slovo “ego-dokumenty”: Intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhodimost' [This strange word “Ego-Documents”. Intellectual fashion or conscious necessity]. *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniya v teorii i praktike nauchnykh issledovaniy: materialy Vseros. nauch. konf., posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya Arona Yakovlevicha Gurevicha i Marena Mikhailovicha Freidenberga, Tver', 30—31 maya 2014 g.* [Documents of personal origin in the theory and practice of scientific research. Proceed. of the All-Russia sci. conf., dedicated to the 90th anniversary of the birth of medievalists Aron Yakovlevich Gurevich and Maren Mikhailovich Freidenberg, Tver, May 30—31, 2014]. Tver, Tverskoi gos. un-t Publ., 2014, pp. 230—236. (In Russian)
52. Timofeev D. Elektoral'nye konflikty i gruppovaya solidarnost' rossiiskogo dvoryanstva v tsarstvovanie Aleksandra Pervogo [Electoral conflicts and group solidarity of the Russian Nobility in the reign of Alexander I]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 1274—1291. DOI: 10.15826/qr.2020.4.527. (In Russian)
53. Tolstik E. Povsednevnost' avangarda i avangard povsednevnosti Belarusi [Everyday life of the avant-garde and the avant-garde of everyday life in Belarus]. *Opyty avangarda: ot utopii k praktikam povsednevnosti: materialy mezhdunar. simpoziuma, Ekaterinburg, 12—15 maya 2015 g.* [Experiences of the avant-garde. From utopia to everyday practices. Proceed. of the Internat. symposium, Yekaterinburg, May 12—15, 2015]. Yekaterinburg, Ekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva (institut) Publ., 2016, pp. 60—70. (In Russian)
54. Trubina E. G., Said L. Ot issledovaniy povsednevnosti k issledovaniyam religioznoi povsednevnosti: ponyatie “zhivoi religii” [From “Everyday life” to “Everyday religion”: “Lived religion” notion]. *Manuskript — Manuscript*, 2020, vol. 13, no. 11, pp. 185—188. DOI: 10.30853/mns200514. (In Russian)
55. *Usloviya povsednevnosti. Obstoyatel'stva, opredelyayushchie zhizn': materialy nauch. seminara, posvyashch. issledovaniyam problem istorii povsednevnosti, Orenburg, 14 dek. 2017 g.* [Everyday conditions. Circumstances that determine life. Proceed. of a sci. seminar devoted to research into the problems of everyday history, Orenburg, Dec. 14, 2017]. Orenburg, IPK “Universitet” Publ., 2017. 80 p. (In Russian)
56. Khabermas Yu. *Filosofskii diskurs o moderne: per. s nem.* [Philosophical discourse on modernity. Transl. from German]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2003. 416 p. (In Russian)
57. Khisamutdinova R. R. Retsenziya na knigu: Zinich M. S. Povsednevnyaya zhizn' naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN ; Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. 349 s. [Book

review: Zinich M. S. Everyday life of people during the Great Patriotic War. M.: Institute of Russian History, RAS; Center for Humanitarian Initiatives, 2019. 349 p.]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2020, no. 2 (34), pp. 217—226. Available at: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/18_34_2020.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.34.18. (In Russian)

58. *Chelovek v rossiiskoi povsednevnosti: istoriya i sovremennost': VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., mart 2013 g.: sb. statei* [Man in Russian everyday life. History and modernity: VI Internat. sci. and pract. conf., March 2013. Collect. of articles]. Penza, PGSKhA Publ., 2013. 103 p. (In Russian)

59. Shevelev V. N., Zolotukhin V. E., Popov A. V., Stepanov O. V. Marginal v povsednevnosti rossiiskoi modernizatsii [Marginal in the daily routine of the Russian modernization]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2017, no. 11, pp. 60—65. (In Russian)

60. Shyuts A. Struktura povsednevnogo myshleniya [The structure of everyday thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1998, no. 2, pp. 23—34. (In Russian)

61. Eingorn N. K. Povsednevnost' morali i moral' povsednevnosti [Everyday morality and the morality of everyday life]. *Chelovecheskaya zhizn': tsennosti povsednevnosti v sotsiokul'turnykh programmakh i praktikakh: materialy X nauch.-prakt. konf. Gumanitarnogo universiteta* [Human life. Everyday values in sociocultural programs and practices. Proceed. of the 10th sci. and pract. conf. of the humanitarian university]. Yekaterinburg, Gumanitarnyi un-t Publ., 2007, vol. 1, pp. 113—115. (In Russian)

62. Elias N. *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya: v 2 t.* [On the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Studies. In 2 vols]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001, vol. 1. 332 p.; Vol. 2. 382 p. (In Russian)

63. Yadrinskaya E. A. Povsednevnost' cheloveka ekzistentsial'nogo [Everyday life of an existential person]. *Gumanitarnye aspekty povsednevnosti: problemy i perspektivy razvitiya v XXI veke: materialy V Vseros. nauch.-prakt. internet-konferentsii* [Humanitarian aspects of everyday life. Problems and prospects of development in the 21st century. Proceed. of the 5th All-Russia sci. and pract. Internet conf.]. Voronezh, Voronezhskii gos. ped. un-t Publ., 2014, pp. 98—103. (In Russian)

64. Yakhno O. N. Istoriya povsednevnosti: problema rasshireniya istochnikovoi bazy [History of everyday life. The problem of expanding the Source base]. *Domashnyaya povsednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., Sankt-Peterburg, 7—9 apr. 2022 g.* [Everyday life of the population of Russia at home. History and modernity. Proceed. of the Internat. sci. conf., St. Petersburg, Apr. 7—9, 2022]. St. Petersburg, Leningradskii gos. un-t im. A. S. Pushkina, Mediapapir Publ., 2022, vol. 1, pp. 37—41. (In Russian)

Информация об авторах

Е. В. Комлева — доктор исторических наук, старший научный сотрудник

Е. В. Бурлуцкая — доктор исторических наук, профессор

Information about the authors

E. V. Komleva — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher

E. V. Burlutskaya — Doctor of Historical Sciences, Professor

Статья поступила в редакцию 05.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026;
принята к публикации 20.05.2026

The article was submitted 05.01.2026; approved after reviewing 30.01.2026;
accepted for publication 20.05.2026